

УДК 316.482.3

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ НА НЕФОРМАЛЬНОСТЬ: ПОЧЕМУ В РАЗНЫХ СЛУЧАЯХ, РУКОВОДСТВУЯСЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НЕПОНЯТНОЙ ЛОГИКОЙ, НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КЛЕЙМЯТ, ПРЕСЕКАЮТ ИЛИ РАЗРЕШАЮТ

Полесье А.

доктор философии

Эдинбургского университета

Стаття є спробою висвітлити взаємовідносини між неформальністю і низкою елементів, присутніх в більшості сучасних держав: взаємодія з формальними правилами, бажання громадян дотримуватися цих формальних правил і те, де неформальність стає помітною і починає впливати на прийняття політичних рішень.

Ключові слова: неформальність, держава, корупція, регуляція.

Статья является попыткой обсудить взаимоотношения между неформальностью и рядом элементов, присутствующих в большинстве современных государств: взаимодействие с формальными правилами, желание граждан соблюдать эти формальные правила и то, где неформальность становится заметной и начинает влиять на принятие политических решений.

Ключевые слова: неформальность, государство, коррупция, регуляция.

The article is an attempt to discuss the relationship between informality and a number of elements present in most modern states: the interaction with the formal rules, the desire of citizens to comply with the formal rules and where informality becomes significant and begins to influence the political decision-making.

Key words: informality, state, corruption, regulation.

Введение: происхождение неформальности

Неформальные практики, будь то неформальные платежи, взятки, кумовство, одолжения, блат и другие формы обмена, распространённые в большинстве стран мира, часто считают признаком плохого управления. Также их часто считают злом, которое любой ценой нужно устранить во имя роста, “развития” (чтобы то ни значило) и эффективного управления. Существует много литературы, анализа и исследований разных политик и отчетов, питающих нарратив, порицающий неспособность бороться с коррупцией и соблюдать верховенство права. С точки зрения этого массива литературы, практики кумовства, одолжений и коррупции — одна из основных причин неспособности или нежелания “развивающихся стран” соответствовать “международным стандартам” или “завершить переход к демократии”, которые могут быть выполнены лишь при условии устранения неформальных практик. Подобные тенденции можно заметить не только на постсоциалистическом и постсоветском пространстве, большинство стран которого, как принято считать, плохо соответствуют определенным стандартам и неспособны осуществить необходимые реформы, но и в странах Глобального Юга. В западном мире нет недостатка в неформальности, однако кажется, существуют двойные стандарты относительно того, как ее рассматривают и как поступают с неформальными практиками. Неформальность считают негативным, нейтральным или позитивным явлением в зависимости от того, где его наблюдают. В одних сферах неформальность молчаливо одобряется, в других же общественных сферах она стигматизируется. Возможно, это основывается на предположении, что регуляция и формализация Западного мира существенно ограничивают неформальность такими практиками, которые не отображаются негативно на государстве или же недостаточно важны, чтоб о них беспокоиться (Dixit 2007; Helmke and Levitski 2004). В целом, неформальность на рынке труда, в соседских отношениях и других сферах, где личные контакты являются решающим фактором, воспринимается либо как исключение, либо, пользуясь языком математики, как дискретный случай, не связанный с другими и не влияющий на функционирование системы в целом. Неформальность рассматривают как своего рода хрящ, который соединяет кости скелета и обеспечивает их совместное функционирование. Лишь когда неформальность вторгается в сферы, которые считаются компетенцией государства, или когда ее присутствие и влияние

нельзя отрицать, тогда неформальность начинают воспринимать как зло, которое должно быть уничтожено.

Когда неформальные практики становятся известным явлением и глубоко укореняются в некоторых сферах западного общества, они рассматриваются или как частный случай, или как исключение из в целом функционирующей системы. В то же время, основной нарратив постсоветского региона и Глобального Юга гласит, что присутствуя повсюду, неформальность угрожает системе и препятствует реформам. С целью описания системы, которая представляется прогнившей и требующей радикальных изменений, создаются новые слова и употребляются (и злоупотребляются) нормативные высказывания. Коррупция рассматривается как эндемическое явление, вплетенное в культурные установки (Miller et al. 2001), несогласие с которыми иногда считается “международными стандартами” (Werner 2002), или в правила, на которые взирают с потрясением, не принимая во внимание тот факт, что одолженные на Западе стандарты и модели, которые должно воспроизводить в развивающемся мире, не работают как следует даже дома (Carothers 2002).

Подобные двойные стандарты заметны также в литературе о неформальности — ее демонизируют или восхваляют в зависимости от того, в какой части мира ее обнаруживают. Якобы тот же феномен рассматривают два направления в литературе, хоть и с разных точек зрения. Различающиеся экономики (diverse economies; термин, употребляемый Дж.К. Гибсон-Грэхем — прим. перев.) и неформальные экономики используют для описания феноменов, которые в большой степени схожи или почти одинаковы, хоть исследуются с разных подходов и описываются разными дисциплинами. Вступая в существующую полемику о неформальности, эта статья предполагает, что основная разница между хорошо функционирующей системой и такой, что пребывает в поисках своего *modus operandi* или считается неэффективной, состоит не в том, что в одной системе количество неформальности больше, чем в другой. Разница в том, где именно располагается неформальность, количество которой может быть одинаковым в обеих системах. Наконец, современная литература о неформальности и различающихся экономиках, наводит на мысль, что существование неформальности в сферах, которые недорегулированы или зарегулированы, с большей вероятностью повлияет на разработку политик и решений государственных институций; тогда как неформальность в слабо, но гладко урегулированных сферах, скорее будет межличностной, связанной с микровзаимодействиями индивидов, и не обязательно повлияет на формирование политик. Для этого я рассмотрю роль, которую играет или может играть неформальность, на трех родственных субпеременных. Первая касается качества регуляции и способности формальных правил ограничивать неформальность сферами, которые не влияют в значительной степени на государство; вторая переменная — это соблюдение правил и желание их соблюдать; третья же касается сфер влияния неформальности: насколько они значительны и насколько неформальность влияет на функционирование системы в целом. Отталкиваясь от этих трех вопросов, я предполагаю, что в не-западном мире отношение между неформальностью, или некоторыми случаями неформальности, и другими концептами, как например демократия и верховенство права, нуждается в переформулировании и переосмыслении.

Мои размышления и доказательств основаны на моей глубокой заинтересованности в постсоветском регионе, где я пробыл почти десять лет и куда я регулярно возвращаюсь для работы. А также на моем пятилетнем наблюдении работы по развитию в Юго-Восточной Азии. В большинстве мест я наблюдал большое разнообразие неформальных практик; однако, с моей точки зрения, они все разнятся скорее по форме, чем по смыслу и содержанию. Они действительно являются выражением механизмов перераспределения, которые существуют или “за рамками”, или “несмотря на” государство (Polese and Morris 2015), и их присутствие — постоянная составляющая человеческих взаимодействий. Дело не в том, присутствует неформальность или нет, а в том, где она присутствует и где мы находим ее выражения. Основанная на некоторых более ранних работах (Williamson 2009; Institute of Development Studies 2010) и представленная в этой статье “гипотеза кубического арбуза” предполагает, что неформальность прорастает всюду, но если мы хотим контролировать ее рост и влияние, то нам следует не подавлять ее, но управлять и направлять. Эффективное государство не ликвидирует неформальность, но направляет ее на те сферы социальной жизни, которые дополняют институциональное вмешательство и управление. Формальные и неформальные практики на самом деле дополняют друг-друга, однако соотношение формальности и неформальности зависит от способности государства обеспечить конформность и различными способами канализировать самоорганизацию (ослаблять контроль, создавать пространства для самоорганизации). В конце концов, неформальность может быть также использована как средство управления — для побуждения граждан брать инициативу в отдельных аспектах управления и социальной

жизни, подобное уже имеет место благодаря банкам времени и другим аспектам гражданского общества. Это случай, когда государство, волей-неволей, не регулирует полностью сферу, оставляя место гражданским инициативам.

Путь к неформальности: в поисках рабочего определения

С момента, когда начали говорить о неформальности, ее относили к разным феноменам. Возможно, Кит Харт был первым ученым, обнаружившим и изучившим несколько неформальных экономических практик (1973). Этим же временем (1972) датируется возрастающий интерес Международной организации труда к неформальному труду, что положило начало междисциплинарным спорам об одном и том же вопросе с разных точек зрения. Антропология, по крайней мере вначале, была дисциплиной, которая больше других была поглощена попытками понять скрытые механизмы и природу неформальных экономических практик. Со временем, это привело к тому, что ряд парадигм был пересмотрен и переосмыслен с другой точки зрения. Скотт был одним из основных первопроходцев, который инициировал дискуссию о моральной экономике (1979) и исследовал влияние неформальных экономических практик на отношения власти (1984); продолжение этой линии исследований можно найти в основных работах по экономической антропологии (Hann and Harth 2009; Hann 2010). Однако приблизительно в это же время ученые начали ставить под сомнение другие социальные факты и открыли изменяющуюся природу вещей (Thomas 1991), в том числе денег (Parry and Bloch 1989), открыли, что вещи изменяются в зависимости от ситуации и контекста. Неформальные экономики стали предметом интереса для тех, кто принимает политические решения, и политологов. Коррупция уже была в исследовательском фокусе приблизительно с 1960-х и начала споров об эффективном управлении постколониальных государств (Leff 1964; Palmier 1983; Rose-Ackman 1978). Однако в девяностые, благодаря открытию постсоциалистического пространства, споры о развитии, управлении и коррупции получили второе дыхание, продолжающееся до сих пор (Harboe 2014, 2015; Humphrey 2002; Millington et al. 2005; Jancsics 2015; Temple and Petrov 2004; Smith and Stenning 2006; Urinbojev and Svensson 2013, 2014, 2014b; Wamsiedel 2013). Примеры успешных прецедентов и практик для применения на младших и менее эффективных государствах содействовали широкому применению парадигмы перехода — использованию западного опыта для уравнивания незападного мира с индустриализированным в терминах практик, механизмов и институций.

Во многих отношениях, это может показаться логичным. Чтоб стать художником нужно в начале копировать картины великих мастеров; чтоб стать выдающимся композитором нужно слушать музыку, написанную до вас. Аналогично, развитие потенциала (capacity building) можно рассматривать как искусство использования в своих интересах существующих в других странах механизмов и практик. Это использование хороших практик, открытых в другом месте, для улучшения существующей ситуации. Но дело в том, что слепое перенесение этих практик может привести к пагубным последствиям. В действительности, многие критики подобного подхода неоднократно обращали внимание на его сомнительность: введение в действие политик или практик полужабычных структур и институций, будто бы надлежаще работающих на Западе, в новые страны; импорт ноу-хау и практик, призванных гарантировать, что новая страна, в итоге, будет функционировать по модели страны-импортера. Лишь после работ Стиглица (2002) экономисты начали ставить под сомнение “готовый” макроподход, смоделированный по образу и подобию западного неолиберализма и без разбору используемый для очень отличающихся действительностей, сейчас подобная критика получила относительно много поддержки и является почти консенсусом. Им вторили социальные исследователи, которые показали, что различающийся этос (Gill 1998), социальная приемлемость (Van Schendel and Abrahams 2005) или просто другие или ограниченные интеллектуальные умения (Morrison 2008) — факторы, могущие препятствовать пониманию, принятию и осуществлению в комплексе политик и реформ. В конечном итоге, политологи тоже стали больше замечать ограниченность этого подхода. Среди прочих, Томас Карозерс (2002) отмечал, что Запад пытается продвигать в так называемом “развивающемся мире” институции, процедуры и практики, которые или не существуют, или не функционируют толком на самом Западе. Некоторые даже утверждали, что Европа и США использовали Россию в качестве стрельбища, экспериментируя в ней с политическими мерами и тестируя некоторые инструменты политики, не опасаясь при этом иметь дело с западным электоратом в случае неудачи.

Такой критический подход также повлиял на появление новой терминологии в исследованиях развития (development studies) и сейчас понятие “развивающиеся страны”

может вызывать скептическую улыбку, ведь подобное понятие может предполагать, что развивающиеся страны двигаются в направлении развитых. Кажется, что уже само слово “переход” предполагает, что страна или отрасль неизбежно двигаются из точки А (предпереходной) в точку Б, где точка Б означает подобие определенной модели (или стране). Другими словами, это звучит так, словно все четко и предопределенно, и словно мы знаем с самого начала, куда страна должна направляться и словно исключаем все возможные отклонения и другие пути развития, которые не можем себе представить. В свою очередь, это ставит под вопрос термин “международные стандарты”, из-за неясности, о каких именно стандартах идет речь. Германия — не Франция и не Япония, но часто в пример для развития приводят все три страны вместе. Эти страны имеют довольно мало общего между собой, кроме того, что все трое считаются историями успеха и странами с довольно высоким уровнем удовлетворенности граждан.

Подход, выступающий против нарратива “перехода”, получил новые аргументы от школы, появившейся в результате слияния социально-экономической географии с критикой феминистскими исследовательницами географии тезиса, что капитализм не является единственным способом (Gibson-Graham 1996, 2008) понимания различающихся экономик, что привело к повторному открытию анархизма в географии (White and Williams 2014). Эта тенденция, можно сказать, побуждает литературу о неформальном социальном обеспечении и неформальных практиках (Polese et al 2014, 2015) перестать считать государство единственным поставщиком услуг и социального обеспечения и таким образом переоткрыть значение человеческой агентности (Polese and Morris 2015), механизмов и практик, не имеющих отношения к государству и его институтам.

Последние тенденции в исследованиях неформальности отошли от чисто экономического понимания неформальности и, опираясь на ранние работы Грановеттера (1984), переоткрыли связь неформальности с другими социальными явлениями (Gudman 2001; Yelcin-Hackman 2014), предложив более целостное объяснение значения неформальности и ее влияния на различные сферы жизни (Helmke and Levitsky 2004, Isaacs 2011, 2013, Ledeneva 1998, 2013; Misztal 2001, Morris 2011). Эти исследования также немного отошли от изначального понимания монетарной логики (Williams 2005) и начали охватывать и общества Глобального Юга, и Севера. Более того, так как класс и социальный статус могут влиять на восприятие и поддержание неформальных практик, исследования неформальности показали, что она пронизывает все слои общества, охватывая и выигравших, и проигравших от “перехода” (Morris 2012, Morris and Polese 2014b). В частности, самый значимый эмпирический вклад в исследования неформальности был сделан благодаря постсоциалистическому пространству (see Giordano and Hayoz 2014; Henig and Makovicky 2014; Polese 2014; Polese and Morris 2014, 2015), однако эту ситуацию стоит скорее рассматривать как намек на необходимость большего количества исследований неформальности в других частях мира, ведь как уже было показано, неформальность никуда не исчезает (Morris and Polese 2014b:1).

Следовательно, неформальность стоит рассматривать не как чисто экономическое или монетарное явление, но как явление, потенциально влияющее на все сферы общества. Неформальность — явление, над которым государство или его институты совсем не обязательно всегда и везде имеют полный контроль. С другой стороны, так как государство не контролирует полностью ряд процессов, возникает необходимость в сужении определения, потому что неформальность не включает в себя “преступную деятельность”. На этом моменте вопрос об определении неформальности усложняется — ведь граница между тем, что считается преступным и что — нет, может быть очень субъективной, поэтому я воспользуюсь двумя разными подходами. Первый, следуя Ван Шенделю и Эбрахамсу (2005), основывается на противопоставлении законного/незаконного и допустимого/недопустимого, где допустимое считается социально приемлемым и квазивариантом легального. Есть вещи, которые считаются местным криминальным кодексом незаконными, но не воспринимаются людьми как “плохие” (Fogarty 2005; Rasagayam 2011), а следовательно они социально приемлемы и допустимы. Также есть вещи, которые совершенно законны, но которые не воспринимаются местным населением или его частью, по крайней мере в короткой перспективе, как допустимые.

Таблица 1: Соотношение законности и допустимости (адаптировано из Van Schendel and Abrahams 2005)

	Законно	Незаконно
Допустимо	Социальная и законодательная нормы совпадают	Обществом допускаются вещи, запрещенные государственными институциями или законодательно
Недопустимо	Государство не наказывает за вещи, которые не одобряются обществом (или одной из его групп)	Социальная и законодательная нормы совпадают

Второй подход, на котором я основываюсь, предполагает рассмотрение прямого и непрямого вреда (Polese 2009). Убийство приносит вред обществу, лишая его рабочей силы, но еще и причиняет вред конкретному живому человеку. Следуя той же логике,

торговля людьми, киднэппинг, кражи тоже причиняют вред обществу, однако наибольший вред причиняет несоблюдение финансовых обязательств. Это следует из того факта, что более низкие бюджетные поступления или больше обременяют честных налогоплательщиков, или уменьшают бюджет государства, который оно может потратить на свое население. Непрозрачный процесс найма на работу редко приносит вред лишь одному конкретному индивиду (кроме случаев, когда человек получил работу, но потом вследствие перемены обстоятельств лишился ее в последний момент), это приносит не прямой вред всему обществу, так как некомпетентные люди могут оказаться на ключевых должностях.

Таблица 2: Прямой (отражающийся на гражданах), не прямой (отражающийся на обществе) вред и законность

	Прямой вред (в основном недопустим с т.з. общества)	Непрямой вред (допустимый)
Незаконно	Убийство, торговля людьми, продажа тяжелых наркотиков, насилие на этнической почве (может считаться допустимым в отдельных случаях)	Финансовое мошенничество, кумовство, дискриминация на почве религии или этничности
Законно	Законными методами вымогать у неосведомленных людей деньги или собственность; написанные мелким шрифтом в конце договора пункты	Законы, благоприятствующие одной (этнической, религиозной) группе за счет других (считаются допустимыми теми, кому благоприятствуют)

Исходя из этих двух подходов, можно набросать определение того типа неформальности, описание которого является целью этой статьи. Неформальность относится к нерегулируемой государством сфере деятельности (Routh 2011) и либо

считается социально приемлимой, либо не причиняет прямого вреда людям. В известной мере, это определение исключает деятельность организованных преступных групп и деятельность, наказываемую и криминальным кодексом, и этическими стандартами людей в большинстве регионов мира. Опираясь на это определение, в последующих частях этой статьи я рассмотрю три сферы влияния неформальности.

(За)регулируемость и неформальность

Исследование неформальности, как предполагается в этой статье, посвящено поведению двух основных акторов: первый — это общная сущность (обычно это государство, но в исследованиях организаций (*organisational studies*), может быть и компания), а второй — сообщество людей, чья жизнь или по крайней мере некоторые сферы жизни, регулируются этой сущностью. Формальная общная сущность — единственное образование, поставляющее инструкции и создающее официальные нормы, которые регулируют систему. Так как неформальность — это путь в обход этой сущности и формальных правил, порожденных ею для регуляции системы, отсутствие этой сущности означает, что все регулируется неформально. В таком случае говорить о неформальности не имеет смысла, потому что фактически все является неформальным.

Отсутствие формальных правил не означает, что правила как таковые отсутствуют вообще. В первобытном, до-государственном обществе существовали довольно четкие правила и нормы, регулирующие поведение или население соответствующей территории. Правила не обязательно одобряются всеми членами общества, но в маленькой группе для обеспечения конформности, принуждения и наказания девиантов может быть достаточно социального контроля. Когда группа увеличивается, некоторые члены группы могут не соглашаться со всеми правилами и использовать подпрактики или правила, которые либо допускаются, либо пресекаются обществом. Конфликт, если это можно так назвать, становится более очевидным с появлением формальных институций. Позже создается общная сущность, появляются институции и механизмы, цель которых — регулировать общество; этот процесс сопровождается деперсонификацией группы. Неформальные механизмы и неписанные правила работают лишь до тех пор, пока группа остается “личностной”: т.е. существует контроль над гражданами и уважение к структурам, принимающим решения (совет старейшин или глава группы), однако в обоих случаях существует потребность согласования личных и общественных желаний. Индивиды склонны думать на короткую перспективу и о личной выгоде. Роль главы сообщества или формальных правил состоит в том, чтоб удостовериться, что личные желания и потребности согласуются с правилами, выгодными всей группе (или обществу); это достаточно просто сделать в маленьком сообществе, так как можно быстро и непосредственно получить обратную связь, отношения между членами группы личные, а коммуникация между теми, кто принимает решение, и теми, кто его исполняет, происходит почти без искажений (Ledeneva 2006, 2013; North 1990).

В более многочисленной группе ответственные за принятие решений выбираются (в тот или иной способ), притязая на то, что они представляют общество; однако даже в наилучшем случае механизмы обратной связи работают медленно и часто опосредованно. К тому же, избирательные механизмы и механизмы принятия решений допускают появление управителей, одобренных большинством, которые может быть не таким и большим. Если партия, победившая на выборах, набрала 30 или 40 процентов голосов избирателей, т.е. не представляет даже половины населения страны, то новый закон, принятый 51% парламентариев, потенциально оставляет за бортом 49% населения страны, что может равняться десяткам миллионов. Более того, последствия принятых законов совсем не обязательно благоприятствуют большинству населения (например, закон может быть основан на неверных оценках или предположениях), а неучтенное меньшинство, насчитывающее несколько миллионов, все же является довольно значительной величиной. Если допустить, что эти люди могут жить в одном географическом регионе или принадлежать к одному слою населения, то можно представить, каким значительным по ряду причин будет разрыв между государством и людьми.

Одна из причин — разница между тем, чего люди ожидают и тем, что они получают на самом деле. Это характерно для всех обществ, ведь личные желания, потребности и ожидания отличаются от того, что может обеспечить государство. Личное и общественное благо не обязательно пересекаются, к тому же существуют ограничения относительного того, что считается приемлимым (Davies and Polese 2015). С другой стороны, существует разница между обещаниями государства и тем, что оно в итоге делает; это можно связать с разницей между тем, что государство символически представляет и предоставляет и тем, что оно обеспечивает на самом деле. Как уже было показано, неформальность прорастает и

закрепляется в сферах, которыми государство не может или не хочет управлять (Polese et al. 2014; Davies and Polese 2015).

Другая причина — это качество регуляции и способность формальных правил ограничить неформальность несколькими сферами, наличие неформальности в которых не влияет значительно на государство. Неформальность существует и будет существовать во всех системах и обществах. Разница в том, какие неформальные правила превращаются в формальные и какие из них не вредят эффективности и продуктивности государственного управления. Можно предположить, что система, не имеющая формальных правил или где количество формальных правил сведено к минимуму, будет иметь высокий уровень неформальности, который снизится, как только будут выработаны формальные правила, призванные регулировать большинство аспектов общественной жизни. Однако существуют как минимум два исключения. Первое: зарегулированность может привести к возвращению неформальности, как отмечают крайние либералы, это согласуется с принципом, что слишком много чего-то равно его отсутствию. Второе же состоит в том, что регуляция “неправильных” сфер, когда люди считают, что эти сферы не должны регулироваться, также ведет к тому, что люди начинают снова полагаться на неформальные механизмы. Сколько средств может быть выделено на ту или иную сферу, зависит от возможностей государства и наличествующих ресурсов, ведь слишком большое внимание к одной сфере оттянет ресурсы от других. Если те сферы, о которых больше всего заботятся разработчики политик, не считаются гражданами приоритетными, то граждане могут самоорганизоваться и неформально их регулировать.

Неформальность и этика/конформность

Целый ряд недавних исследований неформальности был посвящен расхождению между индивидуальной и государственной этикой, а также последствиям такого несовпадения (STSS 2014; Wanner 2005). Более ранние работы рассматривали разницу в отношении к налогам (Williams and Martinez 2014), значение основных институциональных реформ (Aliyev 2014, 2015; Özcan, 2010), или же взаимоотношения между экономическими и этнорелигиозными аспектами (Mollica 2014). Насколько вероятно, что индивидуальная и государственная мораль будут совпадать в одном государстве? Согласно конструктивистской логике, это становится возможным только в том случае, если будут предприняты некоторые попытки по “образованию” граждан [в нужном направлении].

Моральные нормы формируются не только государственным нормотворчеством — существует также и религиозная, и социальная составляющая морали, которые ограничивают определенные действия. Осознание того, что конкретное действие прямо отразится на других, может иметь сдерживающий эффект, но, как в случае с политиками и потребностями, то, что может быть выгодным для индивида, не всегда является выгодным для государства, и наоборот, по крайней мере в короткой перспективе. Краткосрочное мышление или же просто недостаток уверенности в государстве, означает, что налоги воспринимаются как платежи, которые ты совершаешь, но при этом не понимаешь, когда же ждать благ взамен. Более богатые граждане могут рассматривать свои налоговые выплаты в качестве затрат (cost); люди, которые не доверяют государству (независимо от того, насколько обоснована их позиция), рассматривают налоги также и в качестве чистых расходов (net cost). Люди, которые рассчитывают, что получают отдачу от своих выплат, более склонны платить за услуги, даже если имеют возможность ускользнуть от таких платежей, в то время как люди, которые привыкли рассматривать выплаты за услуги только в качестве дополнительных трат, будут менее охотно исполнять правила (см. дилемму покупки билета на автобус в Polese 2009). Бови (Bovi 2004) показал эмпирически, что конформность достигается за счет сочетания позитивных (преимущества) и негативных (наказание) стимулов для граждан. Известны случаи, когда сообщества мешают государственным властям (полиции или некоторым другим институциям) выполнять свои обязанности, поскольку расценивают государство в качестве того, кто только забирает у них, а членов своего сообщества — которые с формальной государственной точки зрения являются преступниками — как своих благодетелей. Современные исследования отказываются от государственнического взгляда на индивидуальную этику и настаивают на том, что между индивидуальной, коллективной и государственной этиками (см. например: Van Schendel and Abrahams 2005, Wanner 2005 and Werner 2002), которые апеллируют к разным ценностям или даже системам ценностей, существуют противоречия.

В связи с этим, согласие граждан с формальными правилами, нормами и ценностями государства, к которому они принадлежат, зависит от того, видят ли они выгоду в таком поведении. Скотт (Scott 1976) подчеркивал, что существуют разные принципы, которые могут использовать слабые и сильные индивиды, и что бунт может быть объяснен через

ощущение несправедливости. Бурдьё (Bourdieu 1976), с другой стороны, предположил, что индивиды соглашаются с государственной этикой лишь пока считают ее удобной для себя.

Неформальные правила, формирование которых обусловлено организационными нуждами группы индивидов, сообщества или некоего большего целого, развивается из практических нужд, которые возникают в разные периоды времени и из необходимости отвечать на разные практические проблемы таким образом, который бы устраивал большинство сообщества. В маленьком сообществе, где практически каждый может переговорить с каждым, это происходит почти органически. Проблемы возникают тогда, когда существует несколько сообществ, которые обитают на общей территории и живут по разным правилам, входящим в конфликт между собой. Один из выходов — построение общей сущности, которая бы предлагала или навязывала основополагающие правила и таким образом позволяла всем быть равными. Впрочем, общая ошибка [подобных ситуаций] состоит в том, что такие правила игнорируют контекст, а следовательно, хоть и способны решать общие вопросы, не могут приемлимым образом разрешить повседневные проблемы одного или нескольких сообществ. Де Сото (De Soto 2002) довольно точно показал, почему капитализм не работает и не будет работать в тех странах, которые не смогли создать правила, которые являются основой для современного капитализма.

Если следовать всему вышесказанному, то мы приходим к гипотезе кубического арбуза. Неформальные организационные правила, как и арбуз в поле, будут сконструированы и внедрены в любом случае: будет ли существовать государство или некая общная сущность или нет. Но если мы хотим сделать арбуз кубическим, то нам следует использовать такую структуру, которая бы помогла этой ягоде вырасти в нужной нам форме. Если структура слишком жесткая, то арбуз не будет расти. Если же она будет слишком слабая, то он так и не получит нужную нам форму. Аналогично, успех администрирования, притязającego на управление определенной территорией или каким-то аспектом жизни, зависит от нашей возможности направить и согласовать неформальные правила с формальными. Или, что даст даже лучший результат, создать такие формальные правила, которые основаны на реальных потребностях (таких, которые люди считают реальными), принимая в расчет локальные правила и потенциальные конфликты, а также направляя неформальные правила так, чтобы они приводили к формальным, таким образом делая всех равными.

В случае государств, которые наследуют некоторые формальные правила извне, особенно для тех сфер управления, которые еще не развиты (а значит правила одалживаются из других систем и моделируются по образцу, чтобы закрыть вакуум управления по вопросам, которые нужно срочно решить), основная проблема состоит в том, что становится еще сложнее понять, как внедрить то или иное правило, если оно находится в конфликте с локальным этосом или обычаями, как показал Гилл (Gill 1998) в случае Индии. Возможность обеспечить конформность в конкретной ситуации зависит не только от возможности вознаграждать, наказывать, но и что не менее важно, выдвигать решения, которые бы устраивали людей в короткой перспективе. Радикальные изменения также возможны в средней перспективе, но люди для этого должны быть обучены и направлены, а не принуждены.

Неформальность и демократия

Вопрос, который мне часто задают, когда я агитирую за неформальность как способ управления, касается связи между неформальностью и “переходом к демократии”. Я должен на него ответить сейчас, так как этот ответ является важной частью моего основного тезиса. Неформальность не касается процесса перехода, который ведет нас к чему-то другому — неформальность и есть уже чем-то другим. Для начала, не существует достаточных доказательств, что демократия является некой финальной точкой или же единственной существенной предпосылкой хорошего управления. Во-вторых, неформальность вероятно является более демократичной, чем обычно предполагают, — мы можем это увидеть, если проанализируем происхождение и развитие неформальных практик.

В определенный момент времени, некая группа людей начинает применять неформальные практики. Если эти практики не причиняют прямого вреда другим людям, то общество не окажет им сильного сопротивления на неформальном уровне. Практики могут даже оставаться незаметными, если вовлеченных в них людей мало и, следовательно, они могут рассматриваться как несущественные для институций. Другая возможность состоит в том, что все большее количество людей будут считать эти практики полезными и будут все больше и больше их использовать, пока этот процесс не станет заметным для общества и государственных институций.

Как только государственные институции узнают о существовании [неформальной] практики, у них появляется выбор: формализовать ее или пресечь. Если пойти по пути

формализации, то неформальные практики дополняют спектр политических решений тем, что люди считают необходимым, что соответствует принципам демократии. Если же пойти по пути пресечения, возможны три развязки. Во-первых, государственные институции могут преуспеть и изжить практику, но это будет достигнуто за счет успешного использования негативных стимулов и способности убедить людей, что от практики лучше отказаться. В этом случае процесс изживания практики, скорее всего, подтолкнет к “диалогу” между институциями и людьми, к переговорам и принятию людьми нового порядка, что не противоречит демократическим процессам. Нейлор (1998) пишет, что еще не было такого черного рынка, на который бы смогли прекратить поставки, что люди найдут способ [обойти запрет], пока будет существовать желание это сделать. Это указывает на тот факт, что запрет сам по себе не является эффективным подходом. Если какая-то практика выходит из употребления, это происходит потому, что люди перестают в нее верить. Другой исход состоит в том, что людей не смогут убедить в необходимости отказаться от практики и они будут продолжать использовать ее, формально или неформально, привнося свой вклад в спорные моменты в политике, что тоже является способом начать диалог между гражданами и институциями. Возможно, в этом случае удастся найти связь между неформальными практиками, или между неформальными практиками и общественным движением, за счет которого можно будет успешно формализовать требование оставить практику в употреблении (Kevlihan 2013; Polese and Kevlihan 2015).

В заключение, стоит сказать, что термин “демократия” часто употребляется очень субъективно. Если мы одобряем, как управляется та или иная страна, или если говорим о стране, являющейся нашим союзником, мы будем хвалить успехи этой страны на ее пути к “демократии”, тогда как страна, воспринимаемая нами как враг, будет скорее всего классифицирована как недемократическая. Демократия стран, которые “делают нам одно маленькое одолжение”, будет обсуждаться без лишнего шума и не вызовет международного резонанса. Почти повсеместное признание демократии ценностью или достижением приводит к тому, что некоторые страны используют это слово в политическом дискурсе так, как им заблагорассудится, в позитивном или негативном ключе. Однако в связи с тем, что концепт демократии появился на Западе, существует тенденция измерять демократию западными критериями, которые провозглашаются универсальными. Итальянская и американская пиццы — это две большие разницы, но разве кто-то говорит американцам, что они едят “неправильную” пиццу? И португальцы, и бразильцы разговаривают на португальском языке, но в силу большей численности вторых, Бразилия производит больше текстов и музыки, нежели Португалия, родина португальского. И хоть язык и назван в честь страны-родительницы, большинство неологизмов появляются не в Португалии, а в Бразилии.

Где находится и где будет находиться неформальность (где мы найдем неформальность)

Мое предположение состоит в том, что неформальность является частью человеческого существования ровно в той же степени, что и социальность, а также другие качества, которые кажутся нам квазиуниверсальными. Ровно в той степени, в которой существуют попытки формализовать, регулировать, направить, контролировать и, если выразиться несколько иначе, ограничить силу человеческой агентности (Polese and Morris 2015), существует и реакция, которая вновь заявляет о силе неформальности. Даже в наиболее открытых и меритократических организациях вы будете иметь мало шансов на карьерное продвижение, если ваши руководители вас презирают; репутация на вашем рабочем месте прямо связана с вашей репутацией как личности и, как следствие, с возможностью того, что вашу работу оценят, а вас за проделанную работу будут уважать. Успех в ограничениях силы неформальности не следует измерять тем, сколько неформальности присутствует в системе, но скорее тем, где находится неформальность и как именно она проявляется. Любой человек, который выбирает себе подчиненных, выберет тех, кто ему нравится и с кем по его мнению он сможет найти общий язык. Он попытается взять “своих” людей, однако следует обратить внимание на важную деталь. Одно дело, если выбирают кого-то с худшими навыками среди квалифицированных кандидатов потому, что он вероятно обладает более позитивным мышлением или потому, что управленец видит другие преимущества. И совсем другое дело — полностью препятствовать рынку труда, не позволяя никому кроме твоих родственников занимать престижные позиции, — манера поведения, которая может разрушить организацию в долгой перспективе.

В этом случае мы также можем применить принцип кубического арбуза. Неформальность является частью каждого общества и роль публичной администрации, законов и инструкций состоит в том, чтобы не вредить ей. Их вмешательство может

направлять неформальность в те сферы жизни, которые либо не влияют на государственную эффективность, либо даже могут в определенной степени выиграть от неформальности, в то же время ограничивая силу, а также влияние агентности и личного выбора там, где они могут навредить в долгой перспективе.

Несмотря на это, сегодня неформальность играет роль козла отпущения, которого обвиняют во всех бедах, когда что-то не работает в переходных экономиках. Последние эмпирические исследования показали, что неформальность может быть ограничена рыночной конкуренцией, когда компании осознают, что кумовство является для них пагубным в долгой перспективе (Chavdarova 2015), что насильственные монополии сопротивляются [неформальности] с помощью формальных правил, хоть и оспариваются на неформальном уровне огромным числом акторов, которые не могут законно действовать в пространстве насильственной монополии, хотя фактически уже действуют в нем (Cieselewska 2014; Giordano 2014; Karajanen 2011, 2014), как показало несколько исследований пересечения границы (Mueller and Migglebrink 2011; 2014; Polese 2006, 2012; Sasunkevich 2014). Даже на примере публичного сектора, как и многих других, было показано, что неформальность может рассматриваться как причина, по которой система не терпит крах. Неформальные платежи врачам или учителям означают фактическую приватизацию, которая ограничивает «утечку мозгов» и дает возможность [государству] продолжать предоставлять общественные услуги (Polese 2006; see also Osipian 2014; Stan 2012; Stepurko et al 2013, 2014; Wamsiedel 2013; Jingqing 2015) или создать новую систему, которая была бы еще более погруженной в социальные отношения, чем предыдущая (Kovacs 2014; 2015). Неформальное несогласие с некоторыми политиками также может рассматриваться как причина, по которой последние не отвергаются населением на официальном и формальном уровне, но поддаются чему-то вроде логики «вы об этом не говорите публично, а я от вас не требую исполнения» (Rodgers 2007, 2007b), таким образом опять акцентируя внимание на значении агентности в структурах между государством и его гражданами (Polese 2010).

Утверждение функционалистов, что неформальность может встречаться чаще в системах с большим количеством бюрократии, является правдой только лишь отчасти. Я предполагаю, что некоторые виды неформальности зависят от состояния бюрократии, но неформальность как таковая присутствует всюду, приобретая разные формы и модальности в целом спектре разных ситуаций: от неформальных экономических практик и аж до массовых протестов (Polese and Kevlihan 2015).

Говоря по сути, неформальность является общественным инстинктом (выживания), она есть интуицией музыканта, творчеством обученного художника. Рациональность может привести нас только к ограниченным результатам (регулирования). Представьте, как кто-то говорит: вот до этого момента я добрался благодаря своим знаниям и умениям, но как дальше я сделал это — я не имею ни малейшего понятия. Этим «последним шажком» является неформальность и нам нужно еще очень много понять в том, как она функционирует, как уже больше десятилетия утверждает Леденева (Ledeneva 1998, 2006, 2013).

Неформальные практики присутствуют на востоке и на западе, севере и юге. Для того, чтобы их найти, не нужно далеко ходить. Только подумайте о бриллиантовом рынке в Антверпене, где можно расплатиться только наличными, о доверительных отношениях, регулирующих, кто и с кем работает на фондовой бирже, а также практики найма на работу в компаниях и университетах. Существуют общие правила, ограничивающие значение агентности и злоупотребление властью, но в то же время существует и запас субъективности, который используется и иногда растягивается вплоть до границ легальности. Формализация и зарегулированность также сделали более простым принятие допустимого, независимо от того, будет ли это рассматриваться как законное или нет (it seemed that “legal” and “licit” in the original English sentence were not in the right place. Thus, we translated the sentence as we felt was more in line with the author’s thoughts. Sorry if we misunderstood you). Непрозрачная финансовая деятельность и найм на работу, моббинг (психологическое давление на сотрудников на рабочем месте и их выдавливание с компании) и другие подобные практики не представляют собой проблемы, пока невозможно доказать в суде, что они были незаконными. Этих вещей можно было бы избежать, хоть и с неким риском высокой субъективности, просто за счет большего и сильнеешего социального контроля. Задача государства или же управленческого органа не состоит в том, чтобы ограничить неформальность, а скорее в том, чтобы ограничить ее определенными сферами, которые не имеют формального отношения или почти не имеют такового к принятию решений, эффективности или функционированию определенных систем. Неформальность

как таковая не приносит вреда, но в определенных ситуациях и случаях может быть бесполезной.

Выводы

Складывается впечатление, что в большинстве стран, которые стремятся к международному признанию, повышению своего престижа на международной арене или просто желают получить помощь в своем развитии, существует популярное предположение, что правильные реформы — а именно те, которые по имеющимся данным успешно были реализованы в другой стране или основаны на веских теоретических допущениях, — приведут к таким же позитивным результатам. Такой подход игнорирует микро- и макроуровни агентности в формировании политик. Даже если предположить, что “идеальная стратегия” будет принята, она все еще должна быть утверждена политически (то есть, политические элиты должны увидеть преимущества ее реализации), спущена институциям, которые должны ее адаптировать, а после — государственным органам, ответственным за имплементацию. Это не всегда берут во внимание исследователи и аналитики, что приводит к недооценке, или даже игнорированию роли разрушительных факторов в имплементации разных политик.

Действительно, ответственность за то, что некоторые страны в своем развитии и политиках не соответствуют стандартам, которых от них требуют международные акторы, слишком часто связывают с политическими элитами, коррупцией или несостоятельностью местных властей, а не с потенциальным конфликтом между этими стандартами и местными устоями и обычаями. К тому же, существуют общие представления о том, что хорошее государственное управление идет в ногу с объективностью, беспристрастностью и открытостью, считая таким образом неформальность автоматически чем-то вредным. Разрушение неформальных связей, таким образом, рассматривается как *sine qua non* способ достичь лучшего управления в стране.

Хоть эта гипотеза, по крайней мере в некоторых случаях, и стоит внимания, в то же время она несет риск, характерный для большинства крестовых походов на неформальность: неспособность дифференцировать неформальность. Под дифференциацией я имею в виду способность или желание отличить “хорошую” (не вредную или даже полезную) от “плохой” (вредной) неформальности. Подобное различие, в свою очередь, помогает сформировать понятную идею о том, с какими обычаями и паттернами стоит бороться, а какие — игнорировать, помогая таким образом оптимизировать ресурсы и усилия в стратегии развития.

Основываясь на вышеприведенных идеях, эта статья является попыткой обсудить взаимоотношения между неформальностью и рядом элементов, присутствующих в большинстве современных государств: взаимодействие с формальными правилами, желание граждан соблюдать эти формальные правила и то, где неформальность становится заметной и начинает влиять на принятие политических решений. Далее, я коротко объяснил, почему, если не всегда, то в некоторых случаях, отношения неформальности с некоторыми нынешними ориентирами современного не-веберианского государства должны быть пересмотрены и по возможности реконцептуализированы. Я, однако, не ставил своей целью борьбу с современными анти-коррупционными движениями и институциями, а также попытками улучшить управление государством. Я не ставил себе за цель порицать их всех как бесполезных. Я хотел лучше понять, как неформальность влияет на общество, несмотря на то клеймо, которое обычно на нее ставят. Неформальные практики существуют и будут существовать в будущем, выполняя интегративную функцию в обществе и государстве, а значит нет смысла делать попытки уничтожить их. Однако можно понять неформальность и направить ее проявления в те сферы, которые являются недостаточно урегулированными или же те области, где инициатива граждан будет полезной. Я бы хотел предположить, что в некоторых случаях неформальность является одним из основных условий для создания активного гражданского общества. Одна из моих следующих статей будет посвящена разработке этой гипотезы.

Литература

1. Aliyev, H. (2014). The Effects of Saakashvili's Era Reforms on Informal Practices in the Republic of Georgia. *Studies of Transition States and Societies*, 6(1), 19-33.
2. Aliyev (2015) *Institutional Transformation and Informality in Azerbaijan and Georgia* in Morris, J. and A. Polese (eds) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. London: Palgrave

3. Annist (2015) Formal crutches for broken sociality, in Morris, J. and A. Polese (eds) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. London: Palgrave
4. Bovi, M. 2003. The Nature of the Underground Economy-Some Evidence from OECD Countries. *JIIDT* 7:60-70.
5. Bourdieu, P. (1976) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press
6. B. Bruns and J. Miggelbring (eds.) (2012) *Subverting Borders: Doing Research on Smuggling and Small-Scale Trade*, Leipzig: VS Verlag
7. Bruns, B., Miggelbring, J. and K. Müller (2011) Smuggling and small-scale trade as part of informal economic practices, *International journal of sociology and social policy*/ 31 (11/12): 664 - 680
8. Carothers, T. (2002) 'The End of the Transition Paradigm', *Journal of Democracy* 13(1): 5–21.
9. Chavdarova, T (2015) Perceptions vs. Practices: Nepotism in Small Businesses in Bulgaria, in Morris, J. and A. Polese (eds) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. London: Palgrave
10. Cieselewska, A. (2014) From shuttle trader to businesswomen: the informal bazaar economy in Kyrgyzstan. In Morris, J. and Polese, A. (eds.). 2014. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, London and New York Routledge, 121-134
11. Danielson, A. (2015) Field notes on informality's culture of ubiquity: Recognition and symbolic power within informal economic practices in Kosovo, in Morris J. and Polese, A. (eds.) (2015) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. Palgrave
12. Davies, T. and A. Polese (2015) "Informality and Survival in Ukraine's Nuclear Landscape: Living with the Risks of Chernobyl" *Journal of Eurasian Studies*,
13. De Soto, H. 2000. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. New York: Basic Books.
14. Gibson-Graham. 1996. *The End Of Capitalism (As We Knew It): A Feminist Critique of Political Economy*. Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell Publishers
15. Gibson-Graham, J. K. (2008) 'Diverse Economies: Performative Practices for "Other Worlds"', *Progress in Human Geography*, 32(5): 613–32.
16. Gill, S. 1998. *The Pathology of Corruption*. New Delhi: HarperCollins Publishers India.
17. Giordano, C. and N. Hayoz (eds.) (2014) *Informality in Eastern Europe: Structures, Political Cultures and Social Practices*, Bern: Peter Lang
18. Granovetter, M. (2007) The social construction of corruption. In: Nee V and Swedberg R (eds) *On Capitalism*. Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 152–172.
19. Granovetter, M. (1984) Economic Actions and Social Structures: The Problem of Embeddedness, *American Journal of Sociology* 91(3): 481-510
20. Gudeman, S. 2001. *The anthropology of economy: Community, market and culture*. Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishers.
21. Helmke, G. and S. Levitsky (2004) *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda*. *Perspectives on Politics* 2(4): 725-740
22. Hann C (2010) Moral economy. In: Hart K, Laville J-L and Cattani AD (eds) *The Human Economy*. Polity: Cambridge, and Malden, pp. 187–199.
23. Hann, C. and K. Hart (Eds), 2009 *Market and Society: The Great Transformation Today*. Cambridge University Press, Cambridge
24. Harboe, I. (2015) Fighting the shadows Lithuania's informal workers and the financial crisis. In Morris J. and Polese, A. (eds.) (2015) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. Palgrave
25. Harboe, I. (2015) Grey Zones of Welfare, *Journal of Eurasian Studies* 6(1)
26. Hart, K. (1973) 'Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana',
27. *Journal of Modern African Studies*, 11(1): 61–89.
28. Henig, D and Makovicky, N (2014) *Economies of Favour After Socialism*. Oxford: Oxford University Press.
29. Humphrey, C. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
30. ILO (1972) *Employment, Incomes and Equality: A Strategy for Increasing Productive Employment in Kenya*. Geneva: ILO
31. Isaacs, R. (2011) *Party system formation in Kazakhstan: Between formal and informal politics*. London: Routledge.
32. Isaacs, R. (2013) 'Bringing the "Formal" Back in: Nur Otan, Informal Networks, and the Countering of Elite Instability in Kazakhstan', *Europe-Asia Studies* 65(6).

33. Institute of Development Studies . *An Upside-down View of Governance*. London: Institute of Development Studies, 2010
34. Yang, J. (2015) Governing informal payments in healthcare: lessons from China
35. Kovács, B. 2014. Nannies and Informality in Romanian Local Childcare Markets. In Morris, J. and Polese, A. (eds.). 2014. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, London and New York Routledge.
36. Kovacs, B. (2015) Managing access to full-time public daycare and preschool services in Romania: Planfulness, cream-skimming and 'interventions', *Journal of Eurasian Studies* 6(1)
37. Karajänen, D. (2011) *Tracing Informal and Illicit Flows after Socialism: A Micro-Commodity Supply Chain Analysis in the Slovak Republic*, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 31(11/12): 648-663.
38. Karajänen, D. (2014) *When is an Illicit Taxi Driver More than a Taxi Driver? Case Studies from Transit and Trucking in Post-socialist Slovakia*, in Jeremy Morris and Abel Polese (eds.), *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, London: Routledge.
39. Kevlihan, R. (2013) *Aid, Insurgencies and Conflict Transformation, When Greed is Good*. New York: Routledge
40. Koutkova, K. (2015) The importance of having štela: Reproduction of informality in the democratization sector in Bosnia. In Morris J. and Polese, A. (eds.) (2015) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. Palgrave
41. Ledeneva, A. 1998. *Russia's Economy of Favours: "Blat", Networking and Informal Exchange*, Cambridge: Cambridge University Press.
42. Ledeneva, A. 2006. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*, Ithaca, N.Y: Cornell University Press.
43. Ledeneva, A. (2013) *Can Russia Modernise: Sistema, Power Networks and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.
44. Leff NH (1964) Economic development through bureaucratic corruption. *American Behavioural Scientist* 3(8): 8–14.
45. Miller W. L. , A. B. Grodeland and T. Y. Koshechkina. 2001. *A Culture of Corruption? Coping with Government in Postcommunist Europe*. Budapest: Central European University Press.
46. Millington, A., M. Eberhardt and B. Wilkinson. 2005. Gift Giving, Guanxi and Illicit Payments in Buyer-Supplier Relations in China: Analysing the Experience of UK Companies. *Journal of Business Ethics* 57 (3): 255-268.
47. Misztal, B.A. (2000) *Informality: Social Theory and Contemporary Practice*. Routledge, London.
48. Mollica, M. (2014). A Post-War Paradox of Informality in South Lebanon: Rebuilding Houses or Destroying Legitimacy? *Studies of Transition States and Societies* 6(1), 34-49
49. Morris, J. (2012) 'Unruly Entrepreneurs: Russian Worker Responses to Insecure Formal Employment', *Global Labour Journal* 3(2): 217–36. Online. Available: <<http://digitalcommons.mcmaster.ca/globallabour/vol3/iss2/2>> (accessed 31 March 2013).
50. Morris, J. and A. Polese (2015) "Informal Health and Education Sector Payments in Russian and Ukrainian Cities: Structuring Welfare From Below" *European Urban and Regional Studies* <http://eur.sagepub.com/content/early/2014/03/30/0969776414522081.abstract>
51. Morris J. and Polese, A. (eds.) (2015) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. Palgrave
52. Morris, J. and Polese, A. (eds.) (2014) *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*. London and New York: Routledge
53. North, D. C., 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, New York: Cambridge University Press
54. Ó Beacháin, D., V. Sheridan and S. Stan (eds.) (2012) *Life in Post-Communist Eastern Europe After EU Membership*. London: Routledge.
55. Polese, A. and J. Morris (2015) "Quo Vadis Informality?", in Morris, J. and A. Polese (eds.) *Informal Economies in Post-Socialist Spaces: Practices, Institutions and Networks*. London: Palgrave
56. Morris, J. and A. Polese (2014) "Introduction: Informality – Enduring Practices, Entwined Livelihoods" in Morris, J. and A. Polese (eds.) *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*. London and New York: Routledge
57. Morris, J. and Polese, A. (eds.). 2014. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, London and New York Routledge.
58. Morris, J. and A. Polese. 2014b. Informal Health and Education Sector Payments in Russian and Ukrainian Cities: Structuring Welfare From Below" *European Urban and Regional Studies* (forthcoming)

59. Morris, J. (2011). Socially embedded workers at the nexus of diverse work in Russia: an ethnography of blue-collar informalization. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 31(11/12), 619–631.
60. Morris, J. 2013. Beyond coping? Alternatives to consumption within a social network of Russian Workers. *Ethnography* 14 (1): 85-103.
61. Morris, J. 2012. 'Unruly Entrepreneurs: Russian Worker Responses to Insecure Formal Employment', *Global Labour Journal* 3 (2): 217-236
62. Müller, K and Miggelbrink, Judith (2014) 'The glove compartment half-full of letters' - informality and cross-border trade at the edge of the Schengen Area" in Morris, J. and A. Polese (eds.) *The informal post-socialist economy : embedded practices and livelihoods*. New York : Routledge, 152 - 164
63. Naylor, R. (2005) *Wages of Crime: Black Markets, Illegal Finance, and the Underworld Economy*. Ithaca NY: Cornell University Press
64. Özcan, G.B. (2010) *Building States and Markets: Enterprise Development in Central Asia*, Palgrave Macmillan.
65. Osipian AL (2012) Education corruption, reform, and growth: case of post-Soviet Russia. *Journal of Eurasian Studies* 3(1): 20–29.
66. Palmier L (1983) Bureaucratic corruption and its remedies. In: Clark M (ed.) *Corruption: Causes, Consequences and Control*. New York: St. Martin's Press, pp. 207– 220.
67. Parry, J. and M. Bloch (eds). 1989. *Money and the Morality of Exchange*, Cambridge: Cambridge University Press.
68. Polese, A. and R. Kevlihan (2015) Locating insurgency, informality and social movements on a spectrum: is there a theory linking them all?
69. Polese, A. and J. Morris (2015) "My name is legion. The Resilience and Endurance of Informality Beyond, or in Spite of, the State", in Morris, J. and A. Polese (eds.) *Informality in Post-Socialism*. London: Palgrave (forthcoming)
70. Polese, A., J. Morris and O. Seliverstova (2014) Informality and Policy Making: Evidence from Post-Socialist Spaces. Paper presented at the XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing and Unequal World. Yokohama 13-19 July 2014
71. Polese, A. J. Morris, B. Kovacs, I. Harboe (2014) "'Welfare states' in Central and Eastern Europe: Where Informality fits in", *Journal of Contemporary European Studies* 22(2): 184-198
72. Polese, A. (2014) Informal Payments in Ukrainian Hospitals: on the Boundary between Informal Payments, Gifts and Bribes, *Anthropological Forum* 24(4): 381-395
73. Polese, A., J. Morris, B. Kovacs (2015) "The Failure and Future of the Welfare state in Post-socialism", *Journal of Eurasian Studies*, <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2014.11.001>
74. Polese A. and A. Prigarin (2013) "On the Persistence of Bazaars in the newly Capitalist World: Reflections from Odessa", *Anthropology of East Europe Review* 32(2): 110-136
75. Polese, A. (2012) "Who has the right to forbid and who to trade? Making sense of illegality on the Polish-Ukrainian border " in B. Bruns and J. Miggelbrink (eds.) *Subverting Borders: Doing Research on Smuggling and Small-Scale Trade*, Leipzig: VS Verlag
76. Polese, A. and P. Rodgers (2011) "Surviving Post-Socialism: The Role of Informal Economic Practices", *International Journal of Sociology and Social Policy* 31(11/12): 612-618
77. Polese, A. (2010) "The formal and the informal: Exploring 'Ukrainian' Education in Ukraine, Scenes from Odessa", *Comparative Education* 46(1): 45-62
78. Polese, A. (2009) "Informal networks and illegal actions in the former Soviet spaces: the case of Ukraine" Paper presented at the Workshop: Gouverner le local a l'est de l'Europe, Centre Marc Bloch, Berlin, 26-27 November 2009
79. Polese, A. (2008) "'If I Receive it, it is a Gift; if I Demand it, then it is a Bribe' on the Local Meaning of Economic Transactions in Post-soviet Ukraine" *Anthropology in Action* 15(3): 47-60
80. Polese, A. 2013. Drinking with Vova: a Ukrainian Entrepreneur between Informality and Illegality, in Morris and Polese (eds.) *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*. London and New York: Routledge.
81. Polese, A. and P. Rodgers. 2011. Surviving Post-Socialism: The Role of Informal Economic Practices, *International Journal of Sociology and Social Policy* 31(11/12): 612-618.
82. Polese, A. 2009. "The Guest at the Dining Table: Economic Transition and the Reshaping of Hospitality, Reflections from Batumi and Odessa", *Anthropology of East Europe Review* 27(1): 65-77.
83. Polese, A. 2008. 'If I Receive it, it is a Gift; if I Demand it, then it is a Bribe' on the Local Meaning of Economic Transactions in Post-soviet Ukraine, *Anthropology in Action* 15(3): 47-60.
84. Polese, A. (2009) "A post-Soviet syndrome: the state is public, the private sector is private...the public sector is? " Working Paper, University of Poznan Adam Mickiewicz

85. Polese, A. 2006a. Border Crossing as a Daily Strategy of Post Soviet Survival: the Odessa-Chisinau Elektrichka. *Eastern European Anthropology Review* 24(1): 28-37.
86. Polese, A. 2006b. Paying for a Free Education, *Transitions Online* (7 August).
87. Rasanayagam, J. 2011. Informal Economy in an Informal State in Surviving Post-Socialism, *International Journal of Sociology and Social Policy* 15(11/12): 681-696.
88. Rodgers, P. (2007). Compliances or contradiction? Teaching 'history' in the 'New' Ukraine. A view from Ukraine's eastern borderlands. *Europe-Asia Studies*, 59(3) 501-517.
89. Rodgers, P. (2008), *Nation, region and history in post-communist transitions. Identity politics in Ukraine 1991-2006, Soviet and Post Soviet Politics and Society Series*. Ibidem: Stuttgart.
90. Routh, S. (2011) 'Building Informal Workers Agenda: Imagining "Informal Employment" in Conceptual Resolution of "Informality"', *Global Labour Journal* 2(3): 208–27. Online. Available: <<http://digitalcommons.mcmaster.ca/globallabour/vol2/iss3/3/>> (accessed 31 March 2013).
91. Rose-Ackerman, S. 1999. *Corruption and Government: Causes, Consequences and Reform*, Cambridge and New York: Cambridge University Press.
92. Rose-Ackerman, S. (1978). *Corruption: A study in political economy*. New York: Academic Press.
93. Round, J., Williams, C.C. and Rodgers, P. 2010. Coping with the social costs of 'transition': everyday life in post-Soviet Russia and Ukraine, *European Urban and Regional Studies* 17(2): 183-196.
94. Sasunkevich, O. (2014) Business as Casual': Shuttle Trade on the Belarus-Lithuania Border. In Morris, J. and Polese, A. (eds.). 2014. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, London and New York Routledge.
95. Sayfutdinova, L. (2015) Negotiating welfare with the informalizing state: Formal and informal practices among engineers in post-Soviet Azerbaijan, *Journal of Eurasian Studies* 6(1)
96. Scott JC (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, CT; London: Yale University Press.
97. Scott, J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven and London: Yale University Press.
98. Smith A. and Stenning A. (2006) Beyond household economies: articulations and spaces of economic practice in postsocialism. *Progress in Human Geography* 30 (2): 190-213.
99. Stan, S. 2012. Neither Commodities nor Gifts: Post-Socialist Informal Exchanges in the Romanian Healthcare System. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 18(1): 65-82
100. Shleifer, A. and R. Vishny 1993. Corruption, *The Quarterly Journal of Economics* 93(3): 599-617.
101. Stepurko, T. and Pavlova, M. and Gryga, I. and Groot, W. 2013. Informal payments for health care services – Corruption or gratitude? A study on public attitudes, perceptions and opinions in six Central and Eastern European countries. *Communist and Post-Communist Studies* 46(4): 419-431.
102. Stepurko, T. and Pavlova, M. and Gryga, I. and Groot, W. Informal payments for health care services: the case of Lithuania, Poland and Ukraine, *Journal of Eurasian Studies* (forthcoming).
103. Stieglitz, J. (2002) *Globalisation and Its Discontents*. New York: Penguin.
104. STSS (2014) Individual and state morality: what if they do not overlap, *Studies of Transition States and Societies* 6(1): 1-2
105. Temple, P. and G. Petrov 2004. Corruption in Higher Education: Some Findings from the States of the Former Soviet Union. *Higher Education Management and Policy* 16(1): 83-99.
106. Thomas, N. 1991. *Entangled Objects: Exchange, Material Culture and Colonialism in the Pacific*. Cambridge MA and London: Harvard University Press.
107. Urinboyev, R., and M. Svensson. 2013. Living law, legal pluralism and corruption in post-Soviet Uzbekistan. *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 45 (3): 372 –390.
108. Urinboyev, Rustamjon, and Måns Svensson. 2013. "Corruption in a Culture of Money: Understanding Social Norms in Post-Soviet Uzbekistan." In *Social and Legal Norms*, edited by Matthias Baier, 267–84. Farnham: Ashgate.
109. Urinboyev, Rustamjon, and Måns Svensson. 2014. "Rethinking Corruption in Post-Soviet Uzbekistan: Ethnography of 'Living Law.'" In *Eugen Ehrlich's Sociology of Law*, edited by Knut Papendorf, Stefan Machura, and Anne Hellum, 207–38. Zürich/Berlin: LIT Verlag.
110. van Schendel, W. and I. Abraham (eds). 2005. *Illicit Flows and Criminal Things: States, Borders, and the Other Side of Globalization*. Bloomington: Indiana University Press.
111. Wamsiedel, Marius. (2013) Non-monetary informal practices and their concealment in a Romanian hospital. Conference paper "Informal practices and structures in Eastern Europe and Central Asia", Fribourg (November 23); organised by The University of Fribourg (Switzerland)

112. Wanner, C. 2005. Money, Morality and New Forms of Exchange in Postsocialist Ukraine, *Ethnos* 70(4): 515-537.
113. Werner, C. 2002. Gifts, Bribes and Development in Post-Soviet Kazakhstan, in *Economic Development: an Anthropological Approach* edited by J. H. Cohen and N. Dannhaeuser Walnut Creek, Lanham, New York, Oxford: Altamira Press: 183-208.
114. White, R. and C. Williams (2014) Anarchist economic practices in a 'capitalist' society: Some implications for organisation and the future of work, *Ephemera* 14(1): 951-975
115. Williams, C.C. 2005. *A Commodified World? mapping the limits of capitalism*, Zed: London.
116. Williams, C.C., Nadin, S. and Rodgers, P. (2011) 'Beyond a "varieties of capitalism" approach in Central and Eastern Europe: Some lessons from Ukraine' *Employee Relations* 33(4): 413-27.
117. Williams, C., & Martinez, A. (2014). Explaining cross-national variations in tax morality in the European Union: an exploratory analysis. *Studies of Transition States and Societies* 6(1), 5-18.
118. Williamson, Claudia R. "Informal institutions rule: institutional arrangements and economic performance ." *Public Choice*, 139, 2009 : 371-387.
119. Yalçın-Heckmann, L. 2014. Informal Economy Writ Large and Small: From Azerbaijani Herb Traders to Moscow Shop Owners. In Morris, J. and Polese, A. (eds.). 2014. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, London and New York Routledge.

УДК 303.7:159.942

ЛИНЕЙНЫЙ И НЕЛИНЕЙНЫЙ РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ МИРА)

Бова А. А.

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
начальник научно-исследовательского отдела,
Государственный научно-исследовательский институт МВД Украины

У статті використовуються методи виявлення залежності сприйняття особистої безпеки від рівня вбивств, Індексу людського розвитку, довіри до уряду і людям на основі різних предикативних моделей: лінійної регресії, поліноміальної регресії, регресії з нелінійними компонентами, лінійні регресійні моделі на побудованому регресійному дереві. Докладний